

на основе изучения всего грамматического строя «Задонщины», утверждает, что этот строй «соответствует нормам живого русского языка своей эпохи», что «архаические элементы морфологии объясняются непосредственным заимствованием или влиянием Слова о полку Игоре, или, наконец, стилизацией под него».⁵⁵ Необходимо было бы с такой же исчерпывающей полнотой, с какой у А. Н. Котляренко рассмотрена морфологическая система «Задонщины», рассмотреть морфологическую систему «Слова».⁵⁶ Сопоставление итогов такого исследования «Слова» с итогами, полученными А. Н. Котляренко на материале «Задонщины», внесло бы существенные дополнения в установление зависимости между этими двумя памятниками. Ведь именно старшинство «Задонщины» пытаются утвердить скептики, отрицающие подлинность «Слова».

Наиболее последовательно и обстоятельно тезис о первичности «Задонщины» и вторичности «Слова» пытается обосновать в своих работах А. Мазон. Не соглашаясь с теми учеными, которые считают, что в Кирилло-Белозерском списке текст «Задонщины» представлен не в полном виде,⁵⁷ А. Мазон, по существу отождествляя древность списка со старшинством текста, считает «Задонщину» по Кирилло-Белозерскому списку первоначальной редакцией памятника. Все же остальные, более поздние списки представляют собой, по мнению А. Мазона, уже более позднюю переработку первоначального текста «Задонщины». А так как «Слово» текстуально ближе к поздним спискам «Задонщины», то это обстоятельство дает А. Мазону основание поставить такой, как он говорит, принципиальный вопрос: «Если бы „Слово“ принадлежало средневековому поэту, то было бы удивительно, что его («Слова о полку Игоре», — Л. Д.) черты ощутимее в поздних списках „Задонщины“, чем в самом древнем».⁵⁸ Критике этого тезиса А. Мазона уделено много внимания в работе В. П. Адриановой-Перетц «„Задонщина“ (Опыт реконструкции авторского текста)».⁵⁹ Однако это положение имеет столь важное значение в решении вопроса о первичности «Слова о полку Игоре» и вторичности «Задонщины», что к нему необходимо вернуться. Следует снова самым тщательным образом проанализировать характер взаимоотношений Кирилло-Белозерского и всех остальных списков «Задонщины». В последнее время Я. С. Лурье удалось воссоздать весьма интересный и своеобразный облик книжника конца XV в. — инока Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина,⁶⁰ рукой которого написан Кирилло-Белозерский список «Задонщины». Новое представление о литературно-книжной деятельности Ефросина открывает возможности глубже проникнуть в сущность отличительных особенностей Кирилло-Белозерского списка «Задонщины». Надо рассмотреть некоторые характерные черты «Задонщины» по списку Ефросина в связи с особенностями, присущими другим переписанным им текстам. Представляется целесообразным сопоставить «Слово о полку Игоре» не с реконструированным текстом «Задонщины», что имело место до сих пор, а с каждым списком в отдельности, уделяя особое внимание

⁵⁵ А. Н. Котляренко, стр. 158 и 160.

⁵⁶ Статья А. Н. Котляренко представляет лишь часть диссертации автора на эту тему. Думается, что было бы весьма целесообразно опубликовать эту диссертацию полностью.

⁵⁷ В. П. Адрианова-Перетц считает Кирилло-Белозерский список записью, «сделанную по памяти» (ТОДРА, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 221).

⁵⁸ А. Мазон. Le slovo d'Igor. Paris, 1940, стр. 49.

⁵⁹ ТОДРА, т. VI, стр. 205—217.

⁶⁰ Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 130—168.